

продолжение

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Казнь Махамбета -4/ продолжение ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

ХАНСКИЙ ТОЙ

В Сарайчик специально ради меня привезли нового коня. Конь был хорош – крепконогий, лобастый, и черный, как перо ворона, который живет у нас в саду при Медресе. Он на все побережье, кажется, один такой, как и я – на весь свой аул. Хотя ходжа На Сим и говорит постоянно, чтобы я не льстил себе, мол, у нас весь Медресе из таких же, особенных, но я-то чувствую! Они же почти все – верят, и только я во всем сомневаюсь!

Это еще в первое посещение было, когда Бекет Ата заметил зерна сомнения во мне, восьмилетнем мальчишке, которого взял с собой на зийрет-паломничество отец, увидел, как эти зерна пускают ростки, да и придал этому особое значение. Жаль только, отец этого значения словам старца не придал, а может, тот мулла подсобил, отвлек, увел в сторону мысли старосты кочевья, потому как с ним, главным, почитай, на все аулы в устье Ак Жайыка, Бекет Ата и вовсе говорить не стал, кивнул равнодушно на все славословия, и все драгоценное, такое короткое время, уделил этому малолетнему буяну. Из этих зерен и начали прорасти мысли, за которые мулла непременно обозвал бы меня еретиком-кафиром, и только старый шаман, суфий-недоучка, понимал мои сомнения, пытался, как мог, ответить на вопросы, которых было так много... Гораздо больше ответов, которые мог предложить ему человек, оставивший обучение ради моей, Махамбета, судьбы.

А еще был тот странный зиярет в Белую Мечеть прошлой зимой. От того посещения остались три камушка-бусины, из которых я сделал себе таспех – четки для намаза. Каждый раз, когда я

совершаю молитву, два камня из трех даров Пир Бекета напоминают мне, словно сура Куран-и-Керима: «Во имя Создателя миров и тебя в них – учись!». И только третья, будто спорит, слегка обжигая каждый раз, как пальцы доходят на тридцать третьем «субхан-Аллах» до ее такой гладкой поверхности – «Верь!».

Эта третья бусина из подарка Пир Бекета на моих молитвенных четках – единственная, отзывающаяся жжением при словах «Эльхам-дуль-Иллях!» и «Аллаху акбар!». Первые две никогда себя так не проявляют, всегда прохладные, шершавые от многочисленных трещинок и выемок, они лишь напоминают мне о необходимости сомнения, ведущего к истине. Только третья, такая цельная, без единого изъяна, как и должно быть вере, будто говорит со мной. Сам ходжа Насим помогал мне сделать эти четки, и прочитал тогда стихи своего почти что тезки из Страны Огней, что находится по ту сторону Хазара:

*Во мне вместятся оба мира,
Но я и в мире не вмещусь.
Я – суть, я не имею места,
И в бытие я не вмещусь
Все то, что было, есть, и будет –
Все воплощается во мне.
Не спрашивай – иди за мною.
Я – в объясненье не вмещусь.*

Я спросил тогда:

– Кто написал эти строки, Учитель?

– Человек, который отказался брать в руки оружие, чтобы защитить свой край от захватчиков, пришедших под флагом веры...

– Он был трусом? – удивляюсь я.

– Он сам стал оружием. Великий суфийский наставник, он шел в белых одеждах по земле, и там, где он появлялся, там, где звучали его стихи, люди восставали против захватчиков, так же, как и он – без оружия... Хотя кое-кто оружие все-таки брал... Не важно, главное, что захватчик не мог завоевать эти земли, не мог добиться подчинения и порабощения людей, там живших, пока

звучали стихи Имамеддина Насими. И тогда с него содрали кожу!
– Заживо? – спрашиваю я, а у самого рука тянется к шилу, словно к мечу-ханжару, который мне хочется вонзить в грудь врагам, убивающим великого суфия.

– Конечно же заживо! И в этом, кстати, была их ошибка! Страдания порождают святых, поэтому смерть сделала его Піром, и настал день, когда захватчики не просто потеряли власть над Страной Огней, родиной Насими, но сами были захвачены... кстати, твоими предками!

– Моими?..

– Мальчик, когда-то твои прадеды держали мир в страхе, и сам Старец в Вечном Городе, глава последователей пророка Исы, мир Ему, преклонял колени перед твоими дальними предками. Но великое прошлое затмило ум ханов, они стали жить одним этим величием, постепенно отдаляясь от настоящего, и потому теряя будущее. И настал тот день, когда степняк забыл, как строить города, потому что каждое прежнее поколение рассказывало молодым, какими великим были города прошлого, и страх быть хуже предков сковал руки молодым. Степняк забыл, как ковать железо, потому что скованные страхом руки не создадут верного оружия. Степняк перестал выбирать ханов, вознося их на белую кошму, но согласился передавать ханский байтерек по наследию... И однажды твой народ обнаружил себя на коленях, просящим защиты у большого северного соседа, который сам всему научился у других народов, и потому смог стать сильнее, чем те, кому платил дань триста лет. И уже губернатор северного царя назначает вам ханов и биев, и чертит границы ваших пастбищ.

Возмутился я тогда, вскочил с места, да так резко, что рассыпал по глиняному полу бусины еще не собранных четок:

– Да как же так? Неужели старцы были настолько глупы, что своими руками отдали свою свободу, свою независимость, свое право самим править своим народом? Это же просто... просто... невыгодно!

Морщится ходжа, еще бы, почти закончил четки собирать, а теперь все начинай сначала! Но недовольства в голосе нет у

него, отвечает спокойно, даже чуть насмешливо:

– Правильное слово использовал ты, мальчик. Не выгодно им это было. Но и ранее верно сказал, насчет глупости. Да, глупы они были. Жажда вечной жизни, пусть фальшивой, лживой, оглупила их. Чем дольше человек у власти, тем меньше ему хочется ее уступить молодым. А ведь в том залог развития, движения вперед, залог самой жизни! Молодость должна приходить на смену старости, иначе омертвевает племя, народ, станет слабым. Старые ханы держались за прошлое, ломая грузом памяти о великих победах хребет молодым, почитание к мудрости, приходящей с возрастом, превратилось в преклонение перед самой старостью, которая порой не всегда мудра, а уж на закате и вовсе способна быть глупей младенца. Жажда власти убивает любовь к единственному источнику истинного бессмертия, доступного человеку – к своим детям, и тот, кто испытал эту жажду, готов собственным наследникам на спины железной пятой наступить, только бы удержаться на вершине, ближе к солнечному теплу, как ему кажется, ведь не греет уже старика тепло собственного усталого тела, но лжива эта иллюзия, ведь чем выше возносишься в небеса, думая, что идешь к солнцу, тем, на самом деле, холоднее. Не желает верить обуянный жаждой власти старик в собственную смертность, до последнего держится, подминая под слабеющие ноги свои молодость и силу потомков, а когда все же случается неизбежное, и уходит он из тела своего, то оставляет за собой печальное наследие: выродившееся племя, сломленное духом и телом, не верящее в собственное будущее, и живущее одним величием прошлого. От истинной выгоды отказывается ослепленный властью, ради выгоды лживой.

– Но как быть теперь?

– Это ты меня спрашиваешь? Твоя судьба с этим разбираться, вот ты и решишь, как быть. Только сначала обучись! – смеется Учитель. А мне не смешно!

– Разве я плохо учусь? Я же... да я самый успешный из всех учеников, ходжа, я слышал, вы сами говорили!..

– Зря говорил. Не в том смысле, что неправда, а в том, что зря так громко, что ты об этом услышал. Хотя... предупреждал же Пір Бекет, что намучаюсь я с тобой... Да, многое у тебя хорошо получается. Особенно в науке сложения стихов силен, к истории способен, но вот терпения тебе не хватает, и слишком самоуверен ты, замечаю ведь, порой не готовишься даже к занятиям, все благодаря уму да смекалке на месте решаешь, ленишься порой так, что стыдно аж за тебя...

Учитель говорил, а мне было обидно! Нет, я конечно, не стал за эти годы настолько знающим: илим-познание еще только открывают мне первые страницы великой книги бытия. И здесь, в медресе, я не получил всех ответов на свои вопросы, наоборот, их становится только больше, но уже сейчас я понимаю, как и где искать эти ответы. Старый шаман отказался от этого пути, выбрав другой, он идет древней дорогой предков, искавших истину не через сомнение, в знаниях, но через сердце и чувства. На самом деле он не так и далек от мулл, несущих нам в Степь учение Пустыни – все они обращаются к слепой вере, опираются на нее, требуют ее, не предлагая объяснений. Этот путь проще, он даже мне ближе и понятней. Здесь же, в Ак Медресе, меня заставляют укрощать свой дух, и в покое Великой Пустоты искать первопричины, не отвлекаясь на следствия. Ходжа говорит: «Кто владеет родником – тот управляет рекой». Я должен овладеть родником знаний, и может быть тогда я смогу управлять рекой не только своей жизни, которую шаман считает определившейся, решенной не мной, но за меня, вместо меня!

Вот, и на этот раз, отец решил, что я должен присутствовать на свадьбе Хана Жангира – старший сын старого Бокея вот-вот примет от отца власть, станет наследником всей Орды, возьмется за рукоять ханского байтерека – править судьбу Степи, как это делал его отец. Решил за меня, и вот, прислал этого коня, и братьев моих, чтобы они сопровождали меня в наш аул, откуда уже всей семьей-кочевьем мы направимся на ханский той.

Я стою у самых ворот нашего Медресе, глажу коня по его жесткой на вид, и такой мягкой на ощупь гриве. Там, поодаль, верхом на

своих лошадях – мои братья: Хасен и Смаил, и старый шаман с ними, смотрит в мою сторону, щурится. С их стороны не видно ни белых стен Медресе, ни арки ворот, распахнутых сейчас. Даже шаман не может ничего увидеть, если ходжа На Сим того не позволит, а он не позволит. Сердит очень. Когда братья приехали, привезли наказ от отца, старый суфий впервые на моей памяти выругался. Я удивился, а один из младших подвижников объяснил мне, что это у них, у Пиров, просветленных духом – обычное дело, потому как они таким образом могут тайные силы своего духа упорядочивать и направлять, и даже умеют в обычных человеческих страстях черпать могучую силу для сотворения чудес. А нам – нам запрещено, потому как мы еще ученики неразумные, только начавшие свой путь, и вообще: всяк талиб-студент – знай свой дерс-урок, суфию – суфиево, а подвижнику – мотыгу в руки, и иди огород медресе полоть! Так ходжа На Сим велел, и сказал: у меня с Утемисом договор, я ему могу только кости сына послать, а мясо себе оставить, так что нечего тут из-за тоя, пусть даже и ханского, обучение прерывать!

Но брат мой Хасен стоит у ворот медресе, уже целый день стоит под солнцепеком, потому как строго велел ему отец без меня не возвращаться. Знает старый Утемис, отец мой, владетельный староста кочевья, что нельзя идти против обещанья своего, вот и не идет. Вместо себя сына посылает, того, кто меня не раз от его гнева собой прикрывал, и ради которого могу я пойти против учителей своих, и даже против его, отцова, собственного обещания, данного моим наставникам. Хитер старый Утемис, а как иначе? Нынче в степи хитрость правит, без нее не то что в старосты аула, в чабаны не выбиться! И я бросаю мотыгу в огороде, и прерываю каза-наказание, данное учителем мне за вину, которая не на мне лежит – ведь негоже сыну за грехи отца наказание нести, но раз уж не признающий себя Пиром наставник мой, мудрейший На Сим, правила нарушает, то что с меня, простого талиба, взять? Нечего взять, мотыги – и той нет, осталась там же, где друг мой ворон, умеющий, но отказывающийся летать.

И я, могущий остаться здесь, уже принял решение – уеду. Потому что, хотя бы это – лишь это! – будет моим решением, и только моим. Даже если именно его ожидал отец, зная мой нрав. И я вкладываю ногу в стремя...

– Не делай глупостей, сынок! – Учитель стоит прямо за спиной, насупив седые брови, смотрит на меня так, будто я ему уложение из книги Аль-Джабр с ошибками прочитал. Или, того хуже, перепутал поэмы из «Пятерицы-Хамсе» Низами Гянджеви, и вместо «Искандернаме» начал читать наизусть «Сокровищницу тайн».

Но не ошибками в математике, и не забывчивость основ изящной словесности сердит нынче наставника моего, и даже не своенравность моя, ведущая наперекор его указаниям, уж к такому-то мой Учитель привык, и я привык, что часто спускает он мне дерзость, которую в обычных медресе сочли бы за неуважение, и только тут – принимают с уважением даже от самого малого талиба-ученика. Другое беспокоит его.

– Там, куда ты едешь, не делай никаких глупостей, слышишь? Не принимай никаких решений, не давай согласие ни на какие приглашения, понял меня? – Учитель будто под нос себе бубнит, но я все слышу, и понимаю только теперь, чем обеспокоен мой наставник.

Нет, не зря преемником своим хотел сделать его Пир Бекет, ведь уже восходил на вершины тайных знаний Ибн На Сим, и сам вернулся оттуда в мир страстей, но какие знания с той вершины вынес, только ему ведомо. И наверняка способность различать возможные пути Грядущего доступна ему, и значит, узрел он что-то из моего будущего, и предостерегает меня сейчас. Но что может грозить мне на ханском тое – подростку, сыну аульного старосты, если даже ученичество мое в Ак Медресе – тайна для всех, кроме самых близких, да и те ничего внятного рассказать никому не смогут?! Или же?..

– Глупый! Той ли, садака-похороны ли – когда люди собираются по таким важным поводам, даже Старец-Мир может захотеть

сменить старые одежды на парадные, а когда Мир меняет ткань, меняются и судьбы людские! Случаются встречи, которых не должно быть, или же время их смещается, и способна самая славная судьба – обернуться...

– Трагедией? – вот зачем это я сейчас его перебиваю? В смысле – чтобы успокоить, показать, мол, не волнуйся, ходжа, у тебя умный ученик, с твоим талибом ничего не случится, так, что ли? А Учитель того пуще сердится, да только не на то, что я перебиваю.

– Говорю же – глупец! В трагедиях есть величие, но есть нечто худшее, что может случиться с теми, кого ведет Судьба, нежели лишиться своего счастливого завершения истории, и превратить свою жизнь из драмы в трагедию! Будущий батыр встречается с дочерью бая, влюбляется, женится, заботы о сохранности и умножении добра и стад не пускают его уехать на битву, бедным, но свободным воином. И вот уже нет батыра, а есть тучный, заплывший ранним жиром бай, владелец стад и табунов, отец множества детей и муж нескольких жен, на которых у него уж и сил нет. Проиграна еще одна битва без своего героя, стада и табуны у детей его отнимут ставленники тех, кто победил в битве, и другим придется менять свою судьбу, отказываться от своего счастливого завершения своей жизненной истории, чтобы сделать то, от чего отказался когда-то бедный батыр, а ныне – умирающий от нехватки воздуха в заплывших жиром легких, богатый бай!..

– Это – предвидение, ходжа? – в восторге от того, что прикоснулся к еще одной грани тайного знания суфиев, я пропускаю мимо ушей смысл сказанного, но осаждаю меня наставник, будто глупого, молодого коня:

– Это – Аль-Джабр Книги Жизни, дурак, а на языке древних румов – анализ! А ты небось и карман готов подставить, думаешь, тебе богатую невесту пророчу? Эх, дурачок... – опустил учитель голову, покачал седыми космами, поднял взгляд медленно, и веско так добавил: – Никому! Ничего! Не обещай! Понял?

Не понял, но кивнул согласно. Я такой, я умный, я все быстро-быстро схватываю, что сейчас не понял – потом, по пути домыслию, главное, чтобы учитель сейчас не сердился. Он, в конце концов у меня уже не молод, ему сердиться вредно!

– Ох, вредно мне с дураками спор вести, вечно они меня на своем поле боя опытом давят, да вот, все удержаться не могу, только желчь в крови возбуждаю, как сказал бы великий Ибн Сина. Ну все, раз понял, или притворился, что понимаешь – езжай тогда, и пусть Создатель Миров будет благосклонен к тебе! Амин! Жол болсын, удачи в пути, сынок!

Сказал, и повернулся, и пошел в сторону мечети. А я смотрел ему вслед, и отчего-то слезы на глаза наворачивались, хотя что тут страшного происходит-то, если не будет у меня на ханском тое никакой богатой невесты? Судьба моя при мне останется, на свадьбе свое отсижу, бешпармак поем, с казы, плова ханского отведаю, кумыс-шубат попью, и обратно, в медресе, к книгам, к Наставнику, огороду, с мотыгой и вороном... к своей Судьбе! А пока – поехали на свадьбу-той – судьбу ханского сына решать!

+ + +

От Сарайчика выезжаем осторожно, едем – оглядываемся, нет ли разъездов казачьих, потому как все еще на землях Войска Уральского мы, где казак яицкий лютует, степняка к Жайыку не пускает, а вот верст через полста в сторону Едиля-реки хорониться перестаем. Гордо едем через степь, смело, никого не боимся – у брата Хасена бумага есть от самого хана Бокея, которого царь ресейский, Искандер Первый, три года назад своим фарманом в ханы возвел, границы Орды Бокеевской в ней определил. И так уж вышло, что мы теперь в границах этих, как за пазухой ханского шапана, никакой казачий разъезд нам не страшен, вот ведь как! Брат Смаил песню поет, шаман ему подпевает, и мне радостно – давно в степь не выезжал, за книгами в Ак Медресе, да бесконечной работой талиба-послушника забываешь, как выглядит огромный мир вокруг тебя! А мир этот – бесконечный, без границ, стоит только подальше от берега

Жайыка отъехать, чтобы пропали за горизонтом леса тугайные, и осталась одна только ровная, бескрайняя, великая Степь!

Лето только началось, и Степь наша покрыта золотом от желтой травы, уже выгоревшей от бесконечной, жаркой любви солнечных лучей, но еще не успевшей покрыться пылью, пожухнуть, стать грязной серо-желтой, и сейчас она самая живая, полная явной борьбы, которой предстоит определить, кому оставаться в степи живым, а кому обратиться в пищу для живущих. Лисица гонит суслика, опаздывает, и остается сторожить у норки, в надежде дождаться неосторожного зверька; заяц-коян промчится, дразня, соблазняя оставить засаду. И не выдерживает рыжая охотница, бросается за ушастым, и упускает миг, когда мелкий грызун высовывает осторожно голову из норки, оглядывается – нет ли степной охотницы, не сторожит ли? Нет ее, но вот из пожухлой травы серой молнией взвивается лента, чешуйчатым пятнистым чулком натягивается на трепыхающееся тельце, и вот уже лежит змея-полоз на солнышке, греется, переваривает, ведать не ведает, что там в вышине, беркут степной заприметил, как лисица за зайцем погналась, изменил решение, и камнем рухнул вниз, чтобы мигом позже взмыть в небо с пятнистой лентой в острых когтях, так и не успевшей переварить пищу, и погибшую от сокрушительного удара мощного клюва в хрупкий череп.

Жестока степная красота, не каждому понятна, и надо уметь жить в этой вечной цепи рождений и смертей, уметь не жаловаться, но принимать круговерть имен «хищник» и «жертва» в бесконечной битве-согысе за место под жестким степным солнцем, от рассвета и до самого позднего заката, дающего степи силу тепла. С вечером же холодает в степи, за один день летняя жара до осенней свежести падает! Только человек Степи знает, что имена силы и слабости в степи переменчивы, и потому вчерашний враг может стать другом, а если он конак в твоей юрте, то ближе брата родного тебе, кем бы вас не назвала судьба завтра! Проезжая мимо табуна большого, задерживаемся, чтобы утолить жажду свежим кумысом.

На ночевку решаем остановиться у табунщика. Жылкышы-конеvod

подробно расспрашивает о последних новостях, довольно цокает языком, прознав о предстоящем тое в ханской ставке, велит жене вынести нам тулум-бурдюк кожаный с кумысом в дорогу. На прощание же поднес камшы-плеть семихвостку, витую из сыромятных ремешков конской шкуры, рукоять тисненой кожей покрыта, каждый хвост кисточкой из лошадиной гривы любовно украшена – в самом деле ханский подарок, на той-свадьбу правителю орды в дар передать, чтобы верной рукою правил наследник народом степным, дедов память почитая, вперед нас вел только! Хасен камшы с поклоном взял, обещался лично ханскому наследнику в руки передать на праздничном мажилесе. Имя табунщика-жылкышы я сам на куске кожи написал, благо чернильница старой, циньской работы, подарок ходжи На Сима, всегда на поясе моем, как то талибу медресе и полагается.

Поутру, вместе с рассветом, продолжаем путь, прощаемся с жылкышы-табунщиком, седлаем коней, и далее, в степь, от урочища Айгырь поворачиваем на запад, и следуем через Пески Нарын. Здесь степь другая, растительности, почитай, нет никакой, только одинокие саксаулы порой вцепятся в вершину бархана, что у корней полумертвого дерева собрался, и в отличие от собратьев своих, не блуждает, пока не рухнет, окончательно иссохнув, старый ствол, оставшийся с тех еще времен, когда и здесь рукава-ерики Едиля землю водой питали. Но и тут своя жизнь есть – ящерки юркие со змеями- медянками извечную смертельную игру в догонялки ведут, гриф-пустынник над трупом отбившегося от стада кулана или сайги трапезничает.

Мы же ровным шагом по пескам идем – выносливы лошадки наши, лучших тулпаров из табунов своих отправил за мной старый Утемис, не знает шаг их усталости, не вязнет в песках Нарына, утренним водопоем да кормежкой сыты, легко несут нас на широких, удобных спинах своих. Для меня, целый год в седло не садившегося – не на чем, да и незачем талибу-ученику в Медресе верхом ездить! – удивительно немного, как же я за год прошедший не забыл, не потерял навыка своего, в седле себя чувствую так, словно родился в нем! Есть в этом особый смысл,

ведь, скажем, стоило мне однажды заболеть, из-за чего пропустил целую неделю занятий телесной медитацией, как ходжа называет комплекс упражнений по школе дервишей-суфиев из Поднебесной, так потом еще месяц некоторые из движений, почитай, заново привыкал выполнять. А тут – будто и не было годового перерыва, словно каждый день верхом проводил! Видать, прав был один из хорезмских дервишей-лекарей, читавший нам в медресе уроки по целебным травам – у каждого народа есть свой навык, что веками оттачивался, и потому от рождения в каждом ребенке к навыку тому склонность имеется. Степняк же к верховой езде не веками – тысячами лет приучен, и значит навык этот из меня никакие годы перерыва не вытравят!

Радостно делается мне от мыслей этих! Пятками ударил по бокам коня, пустил вскачь, вперед, оставив за спиной братьев, недовольно посмотревших мне вслед – вот еще глупость чудит, коня утомляет, путь впереди ведь долгий! – а мне и море-Тенгиз по колено сейчас, и пустынный от летнего жара Нарын – вдруг будто весенней зеленью одетым показался! Ведь здесь я вырос, на этих землях, в этих песках, что нынче желтые, как пыль, а в апреле я их видел покрытыми зеленой травой, щавелем высоким, из которых сазан вырывается чуть ли не из-под самых копыт коня, напуганный, а стада куланов бредут мирно, щипая сочную траву, не пугаясь ни барса степного, ни стрелы охотничьей. Я помню, как по этим пескам перегоняли на пастбища к берегам Едила стада отца моего: тысячи голов овец, табуны пегих и черногривых тулпаров с лоснящимися от жира боками, и рядом с каждой кобылицей скакал жеребенок... И гордые, величественные хозяева песков Нарына, туйе-нары, верблюды, несущие себя с ханским достоинством, на мир же взирающие мудро и ласково, словно наставники из моего медресе. Грузенные тюками с войлочными стенами разобранных юрт, остовами шаныраков-крыш наших кочевых жилищ, как мудростью мира, эти великолепные создания Творца Миров воплощали для меня-ребенка все самое лучшее, величественное в жизни нашего степного народа. И все эти детские воспоминания наложились поверх того, что видели сейчас глаза мои, прошлое слилось с настоящим, чтобы открыть

дорогу к грядущему, и оттуда, из будущего, явились сначала чувства, а с ними и слова, собиравшиеся, как песок, гонимый ветром, в сиюминутный узор на лице пустыни:

*В нашем брошенном Нарыне
были горки и курганы, –
не обскачешь их никак.
Там топтали степь куланы
и курлыкали фазаны, –
под копыта попадая,
гибли стаями впросак.
Там отары достигали
свыше тысячи голов,
а, в отдельно взятом стаде,
были сотни верблюдов!
Шерсть и пух, и рост ягнят
были, как у верблюжат!
Верблюжата в караване
груз носили, как атаны!
Что за место, что за край?
Для голодных, исхудалых
это место – просто рай!..*

Махамбет Утемисулы – «В нашем брошенном Нарыне» Romanlar